

УДК 343.9.01

DOI 10.52928/2070-1632-2022-61-6-121-127

КРИМИНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА
(Полоцкий государственный университет)
e-mail: y.prikolotina@psu.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4791-0493>

Преобразующаяся реальность современности существенно отличается от того мира, в котором формировалась классическая криминология. Перманентная изменчивость, глобализованность, релятивность, непредсказуемость существенно изменили как социум, так и человека. Преступность, являясь продуктом общества, выражением и суммой всех происходящих в нем процессов, в таких условиях также приобретает качественно иные черты, вызванные особенностями её генезиса в новейшее время. Кризисность стала атрибутом жизни и сформировала тип «кризисного человека», отличного от той модели социальности, на которой до сих пор преимущественно строятся криминологические концепции. Криминология отстает от действительности и нуждается в трансформации концептов «преступность» и «личность преступника» с учетом закономерностей сетевого общества постмодерна. Перспектива преобразования криминологии видится в рамках социологической парадигмы криминологии, в разработке динамичной модели личности, сформировавшейся и существующей в условиях тотальной неопределенности и релятивности.

Ключевые слова: трансформация общества, преступность, личность преступника, трансформация методологии криминологической науки.

Введение. Любой науке для «выживания» необходимо не только уметь видеть главное в происходящем, как бы смотря себе под ноги, но и быть способной заглянуть далее того момента, в котором она пребывает – через настоящее разглядеть будущее, чтобы сделать его возможным либо предупредить. Оторванность же процесса познания от реальности, понимаемой не статически, но динамически, неизбежно переходит в его схоластичность – существование «науки» исключительно в качестве учебной дисциплины, объекта интереса академии либо базиса для идеологии, и всегда приводит к разочарованию в научном знании, утрате интереса к нему и стагнации либо деградации всей социальной жизни. Указанные выше условия жизнеспособности в полной мере относимы к криминологии как науке, исследующей преступность как свойство общества, причину, следствие и индикатор происходящих в нем процессов (необязательно патологических), и позиционируемой в качестве эмпирической и прикладной науки.

Согласно мнению С. Генри и Д. Миловановича, представителей «конститутивной криминологии», преступность является составной частью всего произведенного в обществе¹, представляя собой совокупный результат деятельности людей и организационных социальных структур, которые человечество бесконечно развивает и реконструирует². При таком понимании, то есть представлении преступности в качестве явления, предопределенного и обусловленного социальностью, неизбежно меняющегося сообразно трансформациям общества феномена, закономерной представляется мысль о необходимости объясняющей преступность науки – криминологии – меняться в соответствии с метаморфозами объекта изучения.

Гуманитарное и прикладное назначение криминологии могут быть поняты через непосредственное обращение к стратегии реагирования на преступность (выраженной в уголовной и пенитенциарной политике), к практике применения уголовного закона, а также к распространенным, массовым представлениям о «преступности» и «преступниках» как к продуктам неких парадигм. Ведь феномены массового, группового и индивидуального сознания – представления, мнения, настроения, оценки – являются криминологическими в смысле их корреспондирования объяснению «преступления» и «преступности», и как бы имплантированы во все феномены сознания, непосредственно либо опосредованно определяя их криминогенное либо антикриминогенное качество. Неадекватные, то есть не соответствующие действительному положению вещей и/или эмпирически не обоснованные суждения о криминологически значимых закономерностях совершения «преступлений» и существования «преступности» способны стать криминогенными факторами. В связи с этим ценность и даже неизбежность криминологии видится не только в практической направленности производимых изысканий, но также в ее объяснительном, прогностическом и критическом потенциалах. Так, С. Ф. Милуков сравнивает криминологию с «палящим Солнцем, с его жестким свечением, обнаруживающим глубокие язвы общества и государства» [1, с. 26].

Криминология также способна обеспечить выявление средств решения проблемы «преступности» путем распознавания и оценки антикриминогенных возможностей общества и поиска путей наиболее полной реализации этого потенциала [2, с. 38].

Криминологическую науку также определяют в качестве генератора политических, законодательных и уголовно-правовых решений, а границы между криминологией, уголовным правом и уголовной политикой

¹ В глобализирующемся, глобальном обществе преступность можно было бы назвать «продуктом всего произведенного глобальным обществом».

² Lanier, M. M. Essential Criminology / M. M. Lanier, H. Stuart. – 3 ed. – P. 362.

признаются искусственными, хотя и существующими [3, с. 60]. Без криминологического же сопровождения уголовная политика способна превышать меру необходимых и достаточных для охраны публичных и личных интересов репрессивных средств, способствуя обвинительному уклону правосудия и пенализируя общественное сознание. Потому схоластичность и забвение не так опасны для науки, сколько для реальности. В связи с этим все более опасней у ученых вызывает фактическая не востребованность криминологических исследований, несмотря на их колоссальный познавательный и созидательный потенциал. Распознавая эту тенденцию, Я.И. Гилинский с сожалением констатирует фактическую неадекватность традиционных форм и средств социального контроля над преступностью, вызванную их несоответствием ее генезису и природе [4, с. 8]. В.Е. Квашис, один из ведущих российских криминологов, отмечает, что современное уголовное законодательство не корреспондирует реальности по причине игнорирования криминологических закономерностей и автономизации, а правовой режим находится в «состоянии турбулентности, где пространство здравого смысла сокращается, а иррациональное вытесняет рациональное». Именно эта рассогласованность является, по его мысли, причиной репрессивности законодательства последних лет, способствующей росту социальной напряженности [5, с. 5]. Наука же уголовного права представляется все более обособленной от криминологической науки, ведя к «схоластике в уголовном праве», снижающей качество законодательных решений и обуславливающей ошибки правоприменения [5, с. 6].

Одной из версий объяснения констатируемого порядка вещей может выступать низкое качество криминологических изысканий, так как эксплуатируемые представления о закономерностях «преступности», по мнению ряда ученых, устарели и не соответствуют действительному состоянию криминальных, криминогенных и криминологически значимых феноменов. Так, профессор В.Е. Квашис отмечает, что большая часть криминологических исследований в настоящее время выполняются в парадигме криминологии 1980-х гг., но их методология и методика основаны на статичном (устойчивом) состоянии общества, еще не испытавшего существенных трансформаций, требующих учета и ревизии [3, с. 62]. А.В. Серебренникова полагает, что проблема разработки (трансформации) теоретических оснований становления «криминологии завтрашнего дня» разделяется далеко не всеми криминологами, но уже достаточно актуализирована [6, с. 425].

Описанное выше противоречие (необходимость vs не востребованность), безусловно, требует осмысления, перспектива которого видится в разыскании, идентификации и проработке потенциально перспективных методологических оснований криминологии и методов криминологических исследований в связи со значимыми преобразованиями общества, требующими учета. Для достижения декларируемой цели предполагается установить существенные фактические свойства и прогнозируемые тенденции преобразования общества, имеющие криминологическое значение, то есть необходимые для наблюдения и объяснения «преступности» и «преступного поведения», а также разработки стратегии реагирования на них.

Основная часть. Изменчивость (изменяемость) – неотъемлемое свойство общества и одновременно характеристика, осложняющая его познание по причине перманентных и существенных – эволюционных по масштабности – трансформаций. Хотя изменчивость имманентно присуща обществу как «живому организму», интенсивность изменений, имеющая место в новейшее время, следовало бы признать беспрецедентной. Как отмечает З. Бауман, единственным атрибутом нашей действительности является непостоянство, а единственной уверенностью, которой мы обладаем наверняка, является неуверенность³. В особенности остро интенсивность социальной динамики, трансформации социальной системы была ощутима в период пандемии Covid-19, когда оказалась в центре социального дискурса. В связи с событиями последних лет также часто говорили о кризисе, ведь именно перманентным, длящимся кризисом стоит назвать состояние, в котором оказались глобальные судьбы с конца 2019 года.

Говоря о «социальных кризисах», мы преимущественно предполагаем их в качестве нежелательных явлений, временно осложняющих нашу жизнь. Однако, определив конкретное «кризисное явление» в контекст глобальной картины (пространственной и временной), мы имеем возможность осознать, что кризис может быть новой нормой, а не негативной девиацией. То есть он может оказаться не только чем-то негативным, дисфункцией социальной системы, но в определенном смысле стать обналичиванием, объективацией ранее скрытого качественного изменения системы. В связи с этим в западной литературе уже в начале 1990-х годов кризисы стали пониматься не как внешний негативный фактор, но как неотъемлемая часть образа жизни людей. В таком значении он понимается как процесс, разворачивающийся по мере непредвиденного взаимодействия (вступления в реакцию) различных сил [7, с. 178].

В период пандемии в качестве признака и содержания кризиса идентифицировали неспособность общества, в том числе глобального, оперативно и адекватно реагировать на летальную угрозу. При этом не только вскрылись противоречия, связанные с доверием официальным институтам, СМИ и иным источникам информации, но и проявились и/либо сформировались существенные качества самого общества, выраженные в осознании всеобщей взаимозависимости и неизбежной совместности, что заставило нас говорить о реальности «доковидных» глобалистских и цифровых интуиций. Украинский криминолог В.И. Поклад отмечает, что пандемия, являясь экзистенциально и онтологически пограничной ситуацией, требующей напряжения всех сил человечества, одновременно оказалась новой возможностью способствовать развитию пластичности массового сознания, способствуя принятию новых идей, которые прежде отвергались. Она также вызвала переход от экстенсивной глобализации к интенсивной – усилению поиска

³ Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс] // Полит.ру URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>.

рациональных способов использования наличных ресурсов и возможностей. Пандемия коронавируса, как полагает исследователь, могла приостановить идеологию консюмеризма почти без целенаправленных культурных ограничений. Карантинная рационализация усилила процессы децентрализации (жизненно важные решения принимались на местах), дезурбанизации (пандемия актуализировала проблему уязвимости мегаполисов) и деглобализацию экономики (так как идеология разделения производства продукции по всему миру связана с высокими рисками). Пандемия также стала триггером виртуализации глобализации, обусловив «тотальную цифровизацию» общественных отношений и переход к киберкоммуникативным регуляторам и платформенному капитализму. Тем самым пандемия способствовала повышению меры свободы личности и интенсификации развития общества [8, с. 38–39].

Именно перманентность и функциональность кризисов заставила науку уйти от их признания девиантным (временным и нежелательным) явлением. Кризисность, вероятно, следует признать нормальным явлением, новым свойством общественной жизни. По мысли М.В. Рендл, современный человек «погружен в кризисное состояние, морально готов к нему», в том числе к чередованию периодов хаоса и относительного порядка, будучи «интегрирован в нарастающие темпы социальной динамики» [9, с. 136–137].

Представленные выше рефлексии о функциональности кризисов и атрибутивности кризисности приводят нас к констатации уникальности времени, в котором мы существуем. Текущую эпоху именуют различным образом – «пост-модерн», «метамодерн», «сетевая эпоха», а новейшее общество называют «сетевым», «информационным», «цифровым», акцентируя внимание либо на его отношении к предшествующей эпохе, либо на принципиально новом способе коммуникации, либо на трансформации ценностно-нормативной системы. Для целей отыскания ключевых фактических свойств и тенденций преобразования общества, имеющих криминологическое значение, обратимся к концепциям З. Баумана («liquid modernity»), М. Кастельса («сетевое общество»), и российского криминолога Я.И. Гилинского («неокриминология – криминология постмодерна»). В их работах возможно найти ключевые понятия, выражающие значимые свойства современного общества и выход на криминологически релевантные интуиции и прогнозы.

З. Бауман использует метафору, называя нынешнюю эпоху «текущей современностью» – «liquid modernity» [10], пытаясь таким образом выразить переход от ранее сложно структурированного мира к миру гибкому, свободному от границ и четко заданных условий. Он выделяет следующие свойства «текущей современности»:

1. *Ненаправленность перемен.* З. Бауман называет это свойство самой важной чертой современного периода. В отличие от модерна (предшествующего исторического периода), полагающего, что изменение условий жизни, нестабильность, ухудшение – временные явления, в условиях постмодерна («текущей современности») являются постоянной величиной, константой. Нужды человека, к которым привязана экономика, ранее понимались как известные и окончательные. Потому идеалом экономики была экономика стабильная. Но теперь стало ясно, что *динамика будет бесконечной*. Человеческие нужды «не являются постоянной величиной», да и сама экономика направлена на формирование новых нужд.

В связи с перманентной трансформацией производства и соответственно экономики, как отмечает А.В. Серебренникова, в качестве значимых масштабных криминогенных последствий «четвертой промышленной революции», ожидаемой в ближайшее время, называют углубление финансового и социального неравенства, дисбаланс рынка труда [6, с. 426–427].

2. *Перманентная изменчивость* как неспособность долго сохранять какое-либо состояние (неустойчивость, непостоянство). Из этого следует сложность либо невозможность предвидения и планирования. Перемены застают человека врасплох. З. Бауман выражает эту закономерность следующим образом: «Сегодня условия изменяются внезапно, попирая любые разумные представления и не следуя твердой логике или внятным схемам. Возникает ощущение “разъединенного времени”, идущего от неожиданного эпизода к непредвиденному и угрожающего способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Представители старшего поколения помнят, что в годы их юности люди строили жизненные планы с расчетом на длительную перспективу, долгосрочными были и их обязательства, и отношения с окружающими; сегодня, однако, даже они задумываются о том, осталось ли какое-то реальное содержание в идее долгосрочности» [11; с. 29].

Криминологические теории строились в условиях относительной стабильности, предполагающей возможность создания устойчивой базовой модели личности, сформировавшейся и опирающейся на четко выраженные и конкретные устои жизни, воспроизводящие себя, на относительно стабильное, хотя и изменяющееся общество, тяготеющее к традиционным ценностям, включая ценности, выраженные в общественной морали и праве. Эти ценности имели не только четко закрепленные имена, но и принципиально познаваемое содержание. Но времена начали меняться, неизбежно смешивая имена и содержания. Пытаясь постоянно приспособиться, выжить, человек более всего стал нуждаться в свободе, что неизбежно сказалось и на свободе суждения, приведя к плюрализму идей и ценностно-нормативному релятивизму.

3. *Лишенность иллюзий.* Речь идет об избавлении от иллюзии идеального общества, удовлетворения всех нужд человека, полного счастья, а также от иллюзии стабильности, то есть того, что когда-то мир и люди закончат меняться.

4. *Аномичность жизни как норма.* «Infernum» – термин З. Баумана, означающий промежуточное состояние, при котором старое уже не работает, а новое еще не народилось. Это состояние неуверенности, неспособности предвидеть. Для человеческого сознания жизнь в состоянии постоянных перемен, нестабильности и в условиях переходности ценностно-нормативной системы представляется сложнейшей задачей. Текущая модернность закономерно порождает «текущий страх», наш период отличается от прежних времен интенсивностью этих страхов⁴.

⁴ См. сноску № 3.

Состояние аномии хорошо описано социологами и криминологами и всегда понималось как криминогенное. Однако в условиях неизбежности постоянного изменения оно становится нормой. В связи с этим естественным следует считать и распространенные формы негативного правосознания – релятивизм, негативизм, инфантилизм и даже нигилизм, признаваемые криминогенными.

5. *Миграция (физическая и идейная) как норма жизни.* В условиях постмодерна «производятся лишние люди», которые появляются при обустройстве нового улучшенного порядка и постоянного экономического прогресса. Миграция стала глобальной проблемой и будет нарастать. Построение нового порядка всегда включает стигму «лишнего человека» и постоянную необходимость искать и приспосабливаться. Это вызывает ослабление социальных связей, появление множественных неустойчивых временных, что, с одной стороны, освобождает, позволяет быть мобильным и дает шансы на выживание, но, с другой, социальность теряет свою тотальность, способствуя индивидуализации. Человек становится, как кажется, более свободным, что налагает на него непосильную ношу ответственности.

6. *Гетерогенность общества.* В описанных выше условиях необходимым и неизбежным становится поиск способов сосуществования в условиях постоянной разнородности культур и «человеческих группировок»⁵, однако это не всегда приводит к созданию универсальной культуры. Человек в таких условиях утрачивает чувство безопасности, чувствует себя одиноким и стремится найти успокоение в необременительных узах солидарности. А цифровые устройства и решения предоставляют ему неизмеримые возможности вступления в сообщества, однако «сторонники сообществ предлагают не стратегии решения проблем человеческого существования в новых условиях, но стратегии бегства от них»⁶. Сообщества часто конструируются по принципу «негативной идентичности» («мы – они», «свои – чужие»), что можно назвать жизнью «в пузыре», где создается искусственная, но устраивающая участников модель реальности. Жизнь человека становится крайне индивидуализированной и «освобожденной». Условия жизни, значимые обстоятельства, неподконтрольные человеку, могут меняться внезапно, а их характер не вписывается в привычные схемы. Потому современному человеку почти невозможно строить долгосрочные планы, и отношения часто оказываются недолгосрочными и неустойчивыми [11, с. 29]. В описанных условиях сложно выживать и сосуществовать, но мир будет усложняться и далее, вынося на повестку дня создание иного, «гибкого» порядка. Кажется, построение такового предполагало бы кардинальное изменение способа принятия общезначимых решений, а может быть и появление принципиально иных субъектов. В связи с этим З. Бауман говорит о перспективе положительной глобализации, хотя и не видит формы её организации.

7. *Глобализация* как всеобщее объединение (производства, рынков) и как взаимобмен смыслами. Ранее жестко структурированные существовавшие тысячелетиями устои, по выражению З. Баумана, «плавились» уже в предшествующую эпоху. Но в настоящее время этот процесс усилился из-за возможности встречи различных культур в условиях миграции и информатизации. В таких условиях трудно, если не невозможно, настаивать на «истинности» чего бы то ни было, апеллируя к традиции.

8. *Разрыв синтеза территории, нации и государства, политики и власти.* В условиях глобальной связанности эти, ранее эффективно функционирующие связи, распались. Политика переместилась в надгосударственное пространство и вышла из-под политического контроля. М. Кастельс, теоретик «сетевого общества», назвал глобальное пространство пространством движения, свободным от политики, где нет политического контроля, нет того, кто определяет должное. Но политика так и остается политикой национального государства, которое уже не может выполнять своих функций, так как нужды общества перерастают возможности государства. В связи с этим З. Бауман говорит об инструментальном кризисе, кризисе орудий. Его функции переносятся на других агентов. Отрицательная глобализация должна смениться положительной – «поженить опять мощь с политикой».

В таких обстоятельствах меняется и сам человек, для которого неопределенность, постоянное перемещение и отсутствие длительных обязательств становится нормой. По мысли З. Баумана, в качестве жизненной стратегии следовало бы рекомендовать «гибкость и подозрение ко всем долговременным обязательствам» – flexibility. Это «мягкотелость» или «бесхарактерность», то есть не проявление лояльности к чему-либо, какому-либо способу жизни, идее, так как и идеи изменяются из года в год. Следует быть открытым и не закрывать опций выбора⁷.

Уже изменилась и продолжает меняться не только система коммуникации (способы связи, возникновения и поддержания отношений, мера и способы включенности в социум), но также средства и способы социальной идентификации, а также сама идентичность. Закономерно меняется психология человека, выросшего в условиях «нового» мира – супер глобализированного, суперсвязанного, стремящегося к самодостаточности и более всего ценящего свободу, необходимую для приспособления к меняющимся условиям и для выживания. Вопрос идентичности теперь – это не столько вопрос сохранения, сколько вопрос изменения. Мы можем говорить о «всечеловечестве» или «всечеловечности» как о новом феномене, вызывающем размывание четко заданных границ и одновременно вызванном этим размыванием.

Также методологически следовало бы назвать *теорию сетевого общества* М. Кастельса. Концепт «сеть» давно используется для объяснения социальной системы, предполагая в качестве сети способ

⁵ Там же.

⁶ Подвойский, Д. Куда течет «текучая современность» [Электронный ресурс] / Д. Подвойский // Полит.ру URL: https://polit.ru/article/2011/06/02/podvoysky_bauman/.

⁷ См. сноску № 3.

объединения, связи социальных субъектов. Однако в настоящее время речь идет о «сетевом обществе»⁸ как о качественно новой форме организации социума, вызванной глобализацией и динамизмом, а также индивидуализацией и появлением новых форм социального взаимодействия посредством технологий, позволяющих преодолеть временные и пространственные границы, ранее разделявшие человечество [15, с. 26]. Ян ван Дейк полагает, что сеть «фундирует практически все социальные взаимодействия в современном обществе», что позволяет назвать его сетевым [12, с. 21]. Интернет сделал возможной постоянную глобальную коммуникацию в режиме реального времени, способствуя «беспрецедентному сочетанию гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации, что не могло не оказаться востребованным и не распространиться в условиях современной жизни. Сетевая форма организации, по мысли М. Кастельса, имеет давнюю историю, однако до конца XX – начала XXI века сети существовали по принципу вертикальных организаций, власть которых осуществлялась посредством «направленных потоков управленческих команд». Горизонтальные сети (предполагающие связи равных субъектов) также существовали, но вертикальные – «иерархические» – над ними доминировали, в первую очередь по причине невозможности преодоления пространственно-временных границ. Горизонтальные сети обладают большей гибкостью, способны к самонастраиванию и быстрой адаптации. Поэтому новые горизонтальные сети, сформировавшиеся благодаря технологической революции, оказались самыми эффективными организационными формами [12, с. 30], позволяющими быстро и эффективно выполнять функции, ранее доступные лишь вертикальным сетям. Масштабы глобальной связанности, выражающиеся, в частности, в численности пользователей сети Интернет⁹, свидетельствуют о создании суперсистемы горизонтальных сетей, позволяющей объединить локальное и придать ему масштаб глобального. Интернет является продуктом либертарианской культуры, являясь не только новой технологией, но ключевым принципом информационной эпохи, атрибутом повседневной жизни человека, меняющим общество в целом. Интернет-пространство есть особый тип социального пространства [12, с. 22–23], практически свободный от ограничений и потому заключающий в себе огромный потенциал для изучения, в том числе преступности и антикриминогенного потенциала.

Я.И. Гишинский в монографии «Криминология постмодерна (неокриминология)» убедительно доводит мысль о необходимости изменения криминологической науки, так как изменилось общество, а научные представления о нем устарели. Симптомами необходимости преобразования возможно признать, в частности, актуализацию «кризисной» повестки дня – «кризиса уголовной юстиции» и «кризиса наказания», о которых уже немало сказано [13, с. 39]. Яков Ильич выделяет следующие *криминогенные характеристики постмодерна*: глобализация всех социальных потоков, включая глобализацию преступности; социально-экономическое неравенство как общемировая проблема; «включенность – исключенность», подтверждающие мысль З. Баумана о производстве «лишних людей»; онтологическая и гносеологическая неопределенность (социальная реальность интересубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются); сингулярность (необратимый и необходимый резкий переход в новое качество); тенденция совершенной неопределенности и непредсказуемости будущего; массовая миграция и неизбежность «конфликта культур»; «виртуализация жизнедеятельности»; временной дисхронос (в одном социальном пространстве существуют люди, живущие в разных темпомирах – моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других – к другому), обуславливающий размытие границ между «преступным» и «непреступным»; консьюмеризация сознания и жизнедеятельности как следствие существования в обществе потребления¹⁰ и пережиток прежней эпохи модерна, ставящей во главу угла производство и владение.

Указанные характеристики должны неизбежно обуславливать и реакцию со стороны криминологической науки, выраженную в следующих принципах познания «преступления» и «преступности»:

- преступления и преступности не существует, они суть конструкты, порожденные уголовным законом, создаваемым государством (результатом политической воли), что делает криминологию теснейшим образом связанной с политологией;
- относительность знаний о любом социальном явлении и процессе (включая право), признание сконструированности социального мира (а не его данности);
- отказ от теорий и полипарадигмальность криминологии (наука в условиях постмодерна является «одной из языковых игр») либо применение новых теорий – теории хаоса, катастроф, синергетики, квантовой механики [13, с. 10–13].

⁸ «Возникновение новой социальной структуры, основанной на сетях, обусловлено слиянием трех прежде независимых процессов – развития экономики, обеспечивающей гибкость управления и глобализацию капитала, производства и торговли, направленность на построение общества, в котором ожидается доминирование ценности свободы личности и открытой коммуникации, и прогресса средств коммуникации» [12, с. 27].

⁹ На основании данных Worldometers.info в течение 2021 года численность «населения Интернета» увеличилась примерно на 72 000 000; число пользователей Интернета на момент доступа – около 5 млрд 305 млн при численности населения Земли около 8 млрд URL: <https://www.worldometers.info/>.

¹⁰ Общество потребления как совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком [13, с. 43]. З. Бауман также полагает, что все отношения между людьми опосредованы логикой рынка, действуя «через магазины и вещи, которые имеют цены» [См. сноску № 3].

Заключение. Преобразующаяся реальность современности, увлекшая весь мир и каждого отдельного человека, существенно отличается от того мира, в котором формировалась классическая криминология. Перманентная изменчивость, глобализованность, релятивность, непредсказуемость существенно изменили как социум, так и человека. Преступность, являясь продуктом общества, выражением и суммой всех происходящих в нем процессов, в таких условиях также приобретает качественно иные черты, вызванные особенностями ее генезиса в новейшее время. Кризисность стала атрибутом жизни и сформировала новый тип «кризисного человека», отличного от той модели социальности, на которой до сих пор преимущественно строятся криминологические умозрения, уголовная политика и стратегия реагирования на преступность. Криминология преимущественно отстает от действительности и нуждается в трансформации концептов «преступности» и «личности преступника» с учетом закономерностей сетевого общества постмодерна. Перспектива преобразования криминологии видится в рамках социологической парадигмы (в опоре на теорию сетевого общества и теорию постмодерна) криминологии, а также в разработке динамической модели личности, сформировавшейся и существующей в условиях тотальной неопределенности и релятивности. Уголовная юстиция могла бы также преобразоваться за счет расширения диспозитивности уголовного закона, выражающей гибкость оценок и их зависимость от воли лиц, состоящих в горизонтальных сетях. Учет перемещения источника нормативности в горизонтальные сети и глобальное общество требует также диагностики возможностей фиксации криминологически важных фактов в режиме реального времени, а также применения соответствующих методов из парадигмы Computational Social Science.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милуков, С.Ф. Научный и прикладной потенциал криминологии должен быть использован в общенациональных интересах / С.Ф. Милуков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 4(47). – С. 26–29.
2. Иншаков, С.М. Криминология в XXI веке / С.М. Иншаков // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра – 2017. – № 3(46). – С. 36–44.
3. Квашис, В.Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни / В.Е. Квашис // Журнал российского права. – 2018 – № 6. – С. 58–68.
4. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.
5. Квашис, В. Гуманитарное знание давно вытеснено на периферию общественного спроса. Юридическое образование оказалось на задворках гуманитарного знания, а криминология – на задворках юридического образования / В. Квашис // Юридический мир. – 2022. – № 4(304). – С. 3–9.
6. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира / А.В. Серебренникова // Russian Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 14, № 3. – P. 423-430.
7. Гончарова, Н.П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия / Н.П. Гончарова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-1(66). – С. 177–181.
8. Поклад, В.І. Глобалізація та пандемія / В.І. Поклад // Українське суспільство в пошуках відповідей на виклики сучасності: світоглядний рівень осмислення: Всеукр. наук.-теор. конф., Одеса, 18–19 черв. 2020 р. / За заг.ред. акад. С.В.Ківалова. – Одеса : Фенікс, 2020. – С. 36–39.
9. Рендл, М.В. Кризис как концептуальная составляющая постмодернистского социума / М.В. Рендл // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2015. – № 5. – С. 136–141.
10. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
11. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
12. Добринская, Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию Сети / Д.Е. Добринская // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и психология. – 2016. – № 3. – С. 21–38.
13. Гишинский, Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гишинский. – М. : Алетейя, 2021. – 136 с.

REFERENCES

1. Milyukov, S.F. (2017). Nauchnyj i prikladnoj potencial kriminologii dolzhen byt' ispol'zovan v obshchenacional'nyh interesah. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 4(47), 26–29. (In Russ.).
2. Inshakov, S.M. (2017). Kriminologiya v XXI veke. *Kriminologiya. Vchera. Segodnya. Zavtra*, 3(46), 36–44. (In Russ.).
3. Kvashis, V.E. (2018). Problemy kachestva kriminologicheskikh issledovaniya: istoki i simptomu bolezni. *Zhurnal rossijskogo prava*, (6), 58–68. (In Russ.).
4. Gilinskij, Ya.I. (2014). *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'*. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.).
5. Kvashis, V. (2022). Gumanitarnoe znanie davno vytesneno na periferiyu obshchestvennogo sprosya. Yuridicheskoe obrazovanie okazalos' na zadvorkah gumanitarnogo znaniya, a kriminologiya – na zadvorkah yuridicheskogo obrazovaniya. *Yuridicheskij mir*, 4(304), 3–9. (In Russ.).
6. Serebrennikova, A.V. (2020). Kriminologicheskie problemy cifrovogo mira. *Russian Journal of Criminology*, (3), 423–430. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Goncharova, N.P. (2010). Krizisnoe sostoyanie obshchestva: sodержanie i struktura ponyatiya. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-1(66), 177–181. (In Russ.).
8. Poklad, V.I. (2020). Globalizaciya ta pandemiya. In S.V. Kivalov (Eds.) *Ukrains'ke suspil'stvo v poshukah vidpovidej na vikliki suchasnosti: svitoglyadnij riven' osmislennya*. Odesa: Feniks, (36–39). (In Russ.).
9. Rendl, M.V. (2015). Krizis kak konceptual'naya sostavlyayushchaya postmodernistskogo sociuma. *Vestnik YURGTU (NPI)*, (5), 136–141. (In Russ.).
10. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. Yu. V. Asochakova (Eds.). St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

11. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos. (In Russ.).
12. Dobrinskaya, D.E. (2016). Sociologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podhody k issledovaniyu Seti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i psihologiya*, (3), 21–38. (In Russ.).
13. Gilinskij, Ya.I. (2021). *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)* Moscow: Aletejya. (In Russ.).

Поступила 25.05.2022

CRIMINOLOGY OF TRANSFORMING REALITY

Yu. PRYKOLOTINA

The transforming reality of modernity, which has involved the whole world and every individual, is quite different from the world in which classical criminology was formed. Permanent variability, globalization, relativity, unpredictability have significantly changed both society and an individual. Crime, being a product of society, the expression and sum of all the processes occurring in it, in such conditions also acquires qualitatively different features, caused by the peculiarities of its genesis in the latest times. Crisis became an attribute of life and formed a type of "crisis person", different from the model of sociality, on which criminological speculations are still mostly based. Criminology is mostly out of touch with reality, and needs to transform the concepts of "crime" and "criminal personality" in the light of the regularities of the postmodern network society. The prospect of transforming criminology is seen within the sociological paradigm of criminology and in the development of a dynamic model of the individual, formed and existing under conditions of total uncertainty and relativity.

Keywords: transformation of society, crime, personality of the offender, transformation of methodology of criminological science.